

Мы отнюдь не претендуем на абсолютную правоту изложенных в этой статье идей. Мы также рассматриваем эту систему мер лишь как предложения для руководителей системы потребкооперации в целом и по районным потребобществам к реализации. Потребительская кооперация же должна вести воспитательную работу не как основную линию, но как дополнение к социально значимой профессиональной деятельности. С позиции XXI в. необходимо осмыслить роль и место потребительской кооперации в жизни общества, сделать новый шаг в изменении мышления, отойти от шаблонов в оценке работы потребительской кооперации как чисто хозяйственной организации, занимающейся торговлей, производством, заготовками, привлечь внимание государства к ее социальной миссии, местных органов самоуправления и общественности. Ясно и то, что православная церковь, хотя и не может решить в этом отношении всех проблем, все же должна помогать решать их совместно.

Мы уверены и надеемся, что Россия и дальше будет идти – пусть не быстро, а постепенно – по пути духовного возрождения для общей пользы всех ее граждан, и опора на традиционную российскую духовность, на православие является самой правильной и надежной опорой.

Библиографический список

1. *Ермаков В.Ф.* Управлять – значит мыслить //Деловой вестник российской кооперации. 2003. № 12.
2. Соглашение о сотрудничестве между Ижевской и Удмуртской Епархией Русской Православной Церкви и Союзом потребобществ Удмуртской Республики от 25 июня 2003 г.

У.И.Серёсова

Индикаторы социального развития и региональный политический процесс

Термином «социальное развитие» обозначается совокупность концепций и практики, законодательства и политики современного государства в отношении укрепления социального благосостояния населения. Под *социальным* понимаются отношения и результат этих отношений между индивидами как носителями разнокачественных видов труда и положения в обществе; как отношения между людьми по поводу удовлетворения потребностей человека как биосоциального существа, производительной силы, субъекта общественных отношений; как отношения равенства и неравенства по положению в обществе; как вид общественных отношений, связанных с воспроизводством, поддержанием и развитием

сущностных сил человека как субъекта и объекта труда, познания и общественной деятельности [6, с. 50-51].

При рассмотрении социального как детерминанты политического отмечают, что «в настоящее время система социального благосостояния, утвердившаяся в большинстве стран благодаря успешному применению курса на социальное развитие, в определенной степени нейтрализовала идеологические разногласия между сторонниками левых и правых партий. Как показывает вся мировая практика, успешное применение странами политики социального развития позволяет им решать многие политические проблемы консолидации общества, снижения социальной напряженности» [2, с. 298].

Если не обращать внимания на идеологически выверенные формулировки этой цитаты, то в глаза бросается мысль о связи социального развития и политических процессов и институтов. Связь эта двояка. Во-первых, в социально развитых государствах различия во взглядах правых и левых партий – по крайней мере, по вопросам социальных прав человека (стандартный набор социальных гарантий в области здравоохранения, образования, социального обеспечения, жилья) – сведены к минимуму. Из этого следует и обратное: теоретически, в социально неразвитых странах будут существенно различаться платформы правых и левых: левые будут придерживаться патерналистской позиции государства к человеку, правые – либеральной, существенно сжимающей набор социальных гарантий.

Во-вторых, ориентированность государства на социальное развитие снижает политическую конфликтность в обществе. Это-то и является первой целью социальной политики государства, а не собственно благополучие человека. Власти необходим некий минимальный консенсус в обществе, чтобы часть его в один «прекрасный» момент не свергла саму власть, политическую элиту. Кроме того, народное недовольство, недовольство, прежде всего, уровнем жизни, – в таком случае – самый легкий козырь, на котором можно строить предвыборную агитацию.

Как *измерить* уровень социального развития государства, региона, сообщества? В практическом смысле социальную сферу рассматривают через систему статистических показателей, которые иллюстрируют и «измеряют» состояние социального в целом в определенных географических и временных границах.

В качестве таких *индикаторов* социального могут служить: демографические показатели (рождаемость, смертность, миграция), индикаторы социальной дифференциации (соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума, коэффициенты Джинни, децильный), уровня и качества жизни (статистика здравоохранения, образования, культуры, социального обеспечения), социального неблагополучия (уровень инвалидности, преступлений).

Обратимся к *интегральным рейтингам социального развития* регионов, разработанным в различных отечественных школах (на примере Приволжского федерального округа).

Рейтинг социально-экономического положения регионов в 2001 г., разработанный для сайта полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе (ПФО) [3], содержит солидную социальную составляющую. Экспертами были проработаны группы статистических показателей, описывающих денежные доходы граждан, расходы бюджета субъекта федерации, на социальную сферу, обеспеченность жильем, безработицу, заболеваемость, рождаемость, смертность, преступность, экологическую обстановку; затем эти ранги были суммированы по каждому субъекту ПФО, и на основе этой суммы был выведен рейтинг.

По данным рейтинга можно выделить явных лидеров и явных аутсайдеров социального развития в Приволжском федеральном округе. Возможно также и сгруппировать регионы по ряду признаков: 1) управляемые регионы – Татарстан, Башкирия: социально благополучные национальные республики, чье благополучие основывается на вмешательстве власти в экономику и жестком авторитарном режиме; 2) реформистские регионы – Нижегородская, Пермская, Самарская области, экономический потенциал которых сбалансирован относительно либеральной властью, что является гарантией социального благополучия; 3) традиционные русские регионы – балансирующие на грани социально развитых и неразвитых – Саратовская, Ульяновская, Оренбургская; 4) балансирующие национальные регионы – Удмуртия, Чувашия, Мордовия; 5) консервативные регионы – Кировская и Пензенская области – с низким уровнем социально-экономического развития; 6) депрессивные национальные регионы – Марий Эл, Коми-Пермяцкий автономный округ.

Свой вариант рейтинга регионов ПФО РФ за 2000 и 2001 г.г. предлагает Нижегородский областной комитет государственной статистики [1].

По данным этого рейтинга, к лучшим регионам были отнесены в 2002 г. Башкортостан, Татарстан, Самарская и Оренбургская области, Удмуртия; к средним – Нижегородская, Пермская, Пензенская, Кировская, Ульяновская, Саратовская области; к худшим – Мордовия, Чувашия, Марий Эл. По сравнению с 2001 г. наблюдается динамика: Пермская область, входившая в группу лучших, переместилась в группу средних регионов.

Еще один рейтинг разделяет *рейтинг социальной напряженности и социального неблагополучия* [4]. Здесь авторы составляли рейтинг всех регионов России за 1998–1999 гг., отслеживая их динамику. Индекс определялся на основании следующих показателей: коэффициента младенческой смертности; уровня преступности; уровня миграционной убыли населения; уровня безработицы; объема задолженности по заработной плате; покупательной способности населения.

Для оценки социальной напряженности в регионах России использовались: уровень забастовочного движения; уровень публичной протестной активности; интенсивность выезда населения из региона; степень политической поляризации (в данном случае по итогам президентских выборов 2000 г.); уровень протестного голосования (по итогам общефедеральных выборов 1999–2000 гг.); индекс этнической мозаичности.

Существенное методическое отличие этого рейтинга от прочих – во-первых, учет миграционных показателей как важных индикаторов социального благополучия; во-вторых, использование показателей политической поляризации и электоральных предпочтений.

При анализе статуса регионов по двум параметрам – социальному неблагополучию и социальной напряженности – получается следующее. Полосы социального развития занимают практически все те же регионы – Татарстан, Нижегородская, Самарская области и Марий Эл соответственно. Ульяновская и Саратовская области также занимают пограничное, среднее положение, но тяготеют все же к благополучным регионам. Удмуртия теряет баллы, что соответствует первому рейтингу сайта rfo.ru, Кировская область, наоборот, приобретает их – за счет миграционных и электоральных показателей – и примыкает к благополучным регионам (в первом рейтинге она находится ближе к концу, во втором – в середине). В признанных здесь средние неблагополучных Башкирии и Оренбуржье актуальны вопросы социальной напряженности – из-за миграции и протестного голосования.

Журнал «Эксперт» с 1996 г. публикует ежегодный *рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России* [5], оценивающийся на основе инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Не рассматривая полностью методику составления рейтинга и все аспекты инвестиционной привлекательности регионов, остановимся только на показателе социального риска, который рассчитан как показатель социальной напряженности.

В данном случае первые три места стабильно в течение трех лет занимают Нижегородская, Пермская, Самарская области. Также стабильно последнее – Марий Эл. Поднимаются вверх по рейтингу регионы-середняки – Саратовская, Кировская области. Существенно вниз опускаются обычные лидеры – Татарстан и Башкирия, причем второй регион – вплоть до самых нижних строк рейтинга. Результаты данного рейтинга вполне соотносимы с данными рейтинга социальной напряженности, опубликованным фондом Карнеги.

Обобщая опыт анализа четырех рейтингов, следует заключить следующее. К *социально благополучным* регионам разные авторы относят: 1) управляемые регионы с развитым социально-экономическим комплексом; 2) реформистские регионы с развитым социально-экономическим комплексом; 3) застойные балансирующие регионы с неразвитым социально-экономическим комплексом, но социальной стабильностью.

К *социально неблагополучным* в разных случаях относят: 1) регионы с неразвитым социально-экономическим комплексом; 2) регионы с выраженной социальной напряженностью, но социально-экономически развитые; 3) регионы с неразвитым социально-экономическим комплексом и с выраженной социальной напряженностью.

Получается, что ряд регионов – в зависимости от специфики аналитического подхода – может с равным успехом оказаться как в числе лидеров ПФО по социальному развитию, так и в числе аутсайдеров. Яркий пример – Республика Башкортостан, благополучная по критериям уровня жизни, но характеризующаяся очевидной социальной напряженностью; Обратный пример демонстрирует Саратовская область.

В то же время есть регионы, которые стабильно занимают первые (Нижегородская область, например) и последние (Марий Эл, например) места рейтингов вне зависимости от методики. Учитывая все это, можно с большой долей вероятности назвать лидеров и аутсайдеров социального развития, а также середняков, но проранжировать их уже будет трудно.

Безусловно благополучные: Пермская, Нижегородская и Самарская области. *Безусловно неблагополучные:* Марий Эл, Коми-Пермяцкий АО, Республика Мордовия. *Возможно благополучные по уровню жизни:* Татарстан и Башкортостан. *Возможно благополучные по отсутствию социальной напряженности –* Саратовская и Пензенская области. *Балансирующие:* Ульяновская, Кировская и Оренбургская области, Чувашская и Удмуртская республики.

Из этой классификации очевидны выводы и интерпретации взаимовлияния и взаимоувязанности выявленных социальных различий с особенностями региональных политических процессов.

Библиографический список

1. *Зыкова Л.А., Николаева Н.А., Титова В.Ф. и др.* Анализ рейтинговой оценки регионов Приволжского федерального округа. 2000–2001 гг. // *Вопр. статистики.* 2003. № 3.
2. *Некрасов А.Я.* Социальное развитие // *Российская энциклопедия социальной работы.* Т. 2. / Под ред. А.М.Панова и Е.И.Холостовой. М., 1997.
3. Полномочный представитель президента РФ в Приволжском федеральном округе. www.pfo.ru.
4. *Понов Р., Сусаров А.* Социальная напряженность и социальное неблагополучие // *Регионы России в 1999 г. Ежегодное приложение к Политическому альманаху России.* М., 2001.
5. *Рейтинг российских регионов // Эксперт.* 2003. № 43 (398).
6. *Стребков А.И.* Социальная политика: теория и практика. СПб., 2000.